

ЛЮСТРАЦИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЛИТОВСКОЙ ДЕРЕВНИ ПО РЕФОРМЕ П. Д. КИСЕЛЕВА (1840—1857 гг.)

Т. А. КОНЮХОВА

Вопрос о люстрации и хозяйственном устройстве государственной литовской деревни — один из самых важных вопросов реформы Киселева, проведенной Министерством государственных имуществ в 40—50-х годах прошлого века в западных губерниях.

Собственно под Литвой в середине XIX в. подразумевались Виленская и Ковенская губернии, образованные в результате административной реформы 18 декабря 1842 г. Виленская губерния, состоявшая из 11 уездов, была разделена на две: Ковенскую, включившую 7 уездов бывшей губернии, и Виленскую, к 4 уездам которой были присоединены три белорусских уезда (Дисненский и Вилейский от Минской губ. и Лидский от Гродненской губ.). Таким образом, литовские губернии были не только уравнены по величине территории, но получили довольно сильную прослойку из белорусских уездов, что должно было облегчить действия русской администрации¹.

Реформа Киселева в Виленской и Ковенской губерниях проводилась сверху бюрократическим методом, не затрагивая основных устоев феодализма. Она была вызвана кризисом феодально-крепостнической системы, частыми крестьянскими волнениями в казенных арендных имениях. Но для западных губерний немаловажное значение имел еще и политический момент: тревожная политическая обстановка как внутри западных губерний — так называемый польский вопрос, так и во вне — соседство с революционным Западом, откуда проникали не только идеи, но и эмиссары, засылаемые польской эмиграцией.

Приступая к реформе, правительство рассчитывало смягчить крестьянское малоземелье (безземельные кутники и огородники составляли накануне реформы в некоторых уездах $\frac{1}{3}$ всего населения государственной деревни); отменить арендную систему эксплуатации казенных имений, подорвав этим материальную базу польского дворянства; привести в соответствие с доходностью участков повинности крестьян, чрезмерно выросшие и не соответствовавшие даже старым инвентарям; остановить процесс обезземеливания крестьян. Все эти мероприятия, по мнению правительства, должны были создать в лице сословия государственных крестьян крепкую опору самодержавию во всех западных и особенно в пограничных Виленской и Ковенской губерниях. Успех же в преобразовании быта государственных крестьян должен был побудить помещиков западных губерний последовать примеру Министерства государственных имуществ и облегчить участь владельческих крестьян².

Таким образом, правительство считало реформу управления государственной деревни первым этапом отмены крепостного права. На-

¹ Августовская (Сувалкийская) губерния в рассматриваемый период входила в состав Царства Польского, на которое реформа Киселева не распространялась.

² А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, СПб., 1882, т. II, стр. 139.

сколько большое политическое значение придавалось реформе, видно из письма фельдмаршала И. Ф. Паскевича к царю еще от 29 ноября 1831 г. «Я думаю,— писал «светлейший князь Варшавский»,— если уменьшится власть помещиков над крестьянами так, как я имел счастье представить, то Польша, может быть, если не привержена, [то] по крайней мере не опасна для России даже и в войне»³. Паскевич предлагал начать с устройства «королевских крестьян», т. е. казенных.

Государственные литовские крестьяне по 8-й ревизии составляли по отношению к числу всех крестьян: в Виленской губернии — 31,5%, а в Ковенской — 35,2%. За период с 1835 по 1851 г. (с 8-й ревизии по 9-ю) сословие выросло: в Виленской губ. с 92 887 до 99 487, т. е. на 6,597 ревизских душ, а в Ковенской — с 98 856 до 101 257, т. е. на 2 400 душ⁴. Этот рост объяснялся не столько естественным приростом, сколько политикой правительства, направленной на всемерное увеличение сословия государственных крестьян и государственных имуществ во всех западных губерниях.

В 30—40-е годы прошлого века расширение государственных имуществ проводилось за счет секвестра в казну поиезуитских имений за неуплату процентов, за счет конфискации имений у лиц, замешанных в польском восстании 1830—1831 гг., у римско-католических монастырей, у духовенства, за счет выморочных имений, бывших у владельцев на скульптетском, ленном и эмфитеутичном праве⁵, а также через покупку в казну крупных помещичьих имений. В результате складывались разные по характеру прав временных владельцев и по характеру управления категории казенных имений (скульптетские, ленные, поиезуитские, старостинские, подуховные, помонастырские, конфискованные).

По реформе в начале 1840 г. вся масса старостинских конфискованных, помонастырских и т. п. имений сразу вливалась в состав государственных имуществ и в делопроизводстве более не упоминалось иначе как в скобках. Все они сдавались в долгосрочную аренду местному дворянству, которое старалось выколотить из крестьян больше дохода, чем это было определено инвентарем. Злоупотребления арендаторов были одной из главных причин крестьянских волнений накануне реформы и одной из причин самой реформы.

Особенности социально-экономической и политической жизни западных губерний обусловили появление специальных законов 28 декабря 1839 г. («Высочайше утвержденного учреждения об управлении государственными имуществами в Западных губерниях и Белостокской области» и Положения о люстрации⁶), отличающихся от законов 30 апреля 1838 г. для оброчных губерний.

28 декабря 1839 г. датируется начало реформы Киселева в Литве. Специфические особенности западных губерний заключались в господстве здесь барщины, подворного землепользования, инвентарной формы определения доходов с имений, а также в арендной системе эксплуатации казенных имений. Кроме того, здесь еще сохранились, как пережиток средневековья, многочисленные категории имений и казенных крестьян, о чем говорилось выше.

³ «Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич. Его жизнь и деятельность по неизданным источникам». Составил Генерального штаба генерал-лейтенант кн. Щербатов, т. IV, 1831, СПб., 1894, стр. 226.

⁴ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М., 1946, т. I, стр. 312—313; П. Кеппен. Девятая ревизия, СПб., 1857, стр. 192.

⁵ Скульптетское право — право виленского епископа получать доход со своих имений, раздаваемых частным лицам в условное владение; ленное право — право владеть имением за несение военной службы королю вплоть до пресечения мужского колена в роду; эмфитеутичное право — право владения имением на 50 лет, которое давалось по особому пожалованию короля.

⁶ ПСЗ, II, т. XIV, Отд. I, ст. 13035 и 13036.

Настоящая статья представляет попытку показать методы разрешения правительством аграрного вопроса в ходе новой люстрации.

Несмотря на буржуазно-прогрессивный характер реформы в целом, в своей аграрной части она носила крепостнические черты и в значительной мере предвосхитила крестьянскую реформу 1861 г. Министерство государственных имуществ признавало собственность на землю за государством, а в ходе нового перераспределения земель между экономией и крестьянами оставляло чресполосность наделов и допускало переселение крестьян «на песочек». Реформа не предотвратила разорения части крестьянства и одновременного роста крупных, фермерского типа, хозяйств.

Положение казенных крестьян накануне реформы формально определялось традиционными инвентарями, обязательными для арендаторов казенных имений. Однако нарушение инвентарей было общепринятым повсеместным явлением. О степени нарушения инвентарей можно судить по многочисленным крестьянским жалобам, поступавшим в большом количестве в Губернские казенные палаты, Департамент государственных имуществ Министерства финансов (до создания Министерства госимуществ). С образованием нового Министерства государственных имуществ (1837 г.) посыпались жалобы во все его инстанции, начиная от окружающих начальников и кончая самим министерством. Основным мотивом всех жалоб было незаконное усиление феодальной эксплуатации.

Так, например, в Немайцком старостве Троцкого повета за семь лет (с 1817—1824 гг.) барщина увеличилась на 45% ⁷. Под влиянием растущего на внешнем рынке спроса на хлеб помещики-арендаторы казенных имений стремились расширить свои посевы, что вело к увеличению эксплуатации. Кроме того, арендаторы практиковали под разными вымышленными названиями незаконные денежные сборы с крестьян, достигавшие весьма значительных сумм, иногда до нескольких десятков тысяч, как это случилось в Вобольницком старостве Упитского повета (Поневежского у.). Здесь арендатору удалось выколотить из крестьян 89 750 руб. Аналогичная жалоба поступила в 1825 г. из Войнутского староства, крестьяне которого предъявляли претензию к управителю — графу Роникеру — на несколько сот тысяч рублей ⁸.

Накануне реформы очень распространены были споры с соседними помещиками из-за незаконно захваченных земель. Нарушение границ казенных имений зачастую принимало форму вооруженных схваток между казенными и помещичьими крестьянами, причем со стороны последних применялось огнестрельное оружие. Такой факт имел место в споре о казенном луге между Скирстымонским староством и Юрбургской экономией графа Зубова — одного из крупных земельных собственников Литвы. Управители графа отторгли у староства 129 волок земли (2 400 дес.) ⁹.

Таким образом, накануне реформы Киселева наблюдался процесс обезземеливания крестьян. В этом отношении весьма показателен пример Войнутского староства, где к 1825 г. процент безземельных и малоземельных крестьян вырос до 62% с 42% в 1798 г. ¹⁰. Злоупотребления арендаторов увеличивали число безземельных кутников (батраков), достигавшее в некоторых уездах половины всех крестьян.

Довольно распространенным явлением в литовской государственной деревне (не только накануне реформы, но даже в момент ее проведения)

⁷ ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 4, д. 442, лл. 168, 179—187. См. также ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 17, д. 48, лл. 1—3, 21, 200—200об.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 3, д. 785, л. 3; д. 828, лл. 1—2; д. 899, л. 7; ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 13, д. 4, л. 1718, оп. 3, д. 840, л. 23.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 3, д. 833, лл. 2—6; ф. 384, оп. 3, д. 1872, л. 3; ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 17, д. 44, л. 5. См. также ЦГИА Лит. ССР, стр. 378, оп. 31, д. 443, лл. 10—12.

¹⁰ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 31, д. 621, л. 122.

было закрепощение казенных крестьян помещиками-арендаторами. Палате государственных имуществ приходилось в судебном порядке оспаривать у частных владельцев право на владение крестьянами, незаконно приписанными из казенных имений к владельческим¹¹. Возникали дела «о крестьянах, отыскиваемых Казною», закрепощались даже «вольные люди». Так, например, по ревизии 1795 г. в казенном имении Варшубки и Гайлаш числились «вольные люди», а по ревизии 1811 г. эти люди были записаны в коренные (крепостные) и через три года, в 1814 г., проданы помещиком Лошкаревым помещице Александрович¹².

Усиление феодальной эксплуатации и арендная система являлась основными причинами, вызывающими частые и затяжные крестьянские волнения, как это имело место накануне реформы в казенном имении Жосли, где крестьяне волновались 16 лет подряд¹³. Стремительно растущее из десятилетия в десятилетие крестьянское движение было одним из выражений кризиса феодально-крепостнической системы в первой половине XIX в.

Установлено, что за период 1802—1830 гг. большинство волнений среди казенных крестьян относится именно к западным губерниям. Накануне реформы волнения казенных крестьян происходили в следующих имениях: в 1819 г. в Пенянском и Купишском старостах Упитского повета; в 1824 г. в Быстржецком старосте Завилейского повета (Свенцянский у.); в 1825 г., особенно сильное, в Войнутском старосте Росненского повета (вооруженное нападение на усадьбу графа Роникера); в 1826 г. в Тендзягольском старосте Шавельского повета; с 1822 по 1828 гг. умирялись крестьяне казенных имений Шешоле, Жосли, Прже-лаи, Гервяны, Сильгяны¹⁴. Особенно широкий размах получило крестьянское движение в период польского восстания 1830—1831 гг. Есть сведения, что среди повстанцев были и казенные крестьяне, например, из местечка Мереч, Эйраголь, имения Окмяны¹⁵. В 1838 г. волновались крестьяне конфискованного имения Ушполь, принадлежавшего политическому эмигранту кн. Сапеге¹⁶. В этом же году, доведенные до нищенского состояния чрезмерными поборами и усилением барщины, вышли из повиновения арендатору крестьяне казенного Вержбовского имения Виленского уезда. В 1840 г. возникли беспорядки в казенном имении Купишки и Пеняны. Даже такой неполный перечень волнений показывает, насколько тревожным было положение литовской казенной деревни перед реформой Киселева.

Поэтому-то люстрация, проводимая Министерством государственных имуществ, отличалась от всех предыдущих люстраций, регулярно ведущих описание казенных имений с момента реформы Станислава—Августа (1557 г.), ярко выраженной политической направленностью. Новая люстрация уничтожила арендную систему, чтобы подорвать экономические шляхты, и одновременно облегчала повинности крестьян на 10—40%, причем в первую очередь облегчалось положение крестьян в конфискованных у повстанцев имениях. Она должна была устроить быт западных однодворцев — нового сословия, возникшего в результате разбора шляхты после восстания 1830—1831 гг. В ходе реформы западные однодворцы слились с сословием государственных крестьян¹⁷.

¹¹ Там же, д. 170, лл. 1—3; ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 3, д. 1666; оп. 4, д. 442, л. 32.

¹² ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, д. 5750, лл. 2—5.

¹³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 6, д. 45, журнал № 57; ф. 378, оп. 31, д. 493, л. 12; ф. 378, 1858, д. 72, лл. 53—54; 1843, д. 1841, л. 53об.

¹⁴ Там же, ф. 378, 1824, д. 24, 242; 1825 г., д. 62 л., 621; 1826, д. 250, 1843, д. 1841, л. 53об.; ЦГИАЛ, ф. 379, оп. 3, д. 782, л. 242, оп. 4, д. 442.

¹⁵ ЦГИАМ, ф. 109, 1-я экспед. 1830, д. 320, лл. 168—169; д. 448, ч. I, лл. 4, 8, 36, 38, 48, 50, 55, 348, 349.

¹⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1836, оп. 48, д. 987, л. 190б.

¹⁷ Указы 1841—1842 гг. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1850, д. 2450, л. 30).

По новому закону о люстрации надлежало, во-первых, «привести в точную известность» количество казенных земель, лесов, оброчных статей, хозяйственных и фабричных заведений, попутно разрешив все земельные споры; во-вторых, произвести распределение земель между экономией и крестьянами; в-третьих, составить оценку земель; в-четвертых, определить хозяйственные повинности крестьян, и наконец, исчислить доходы с имений и повинности с крестьян¹⁸. Как видим, новая люстрация представляла собою длительный процесс не только описания, но и перераспределения казенных земель, определения «справедливых» повинностей. По мнению современников, она претендовала если не на абсолютную безошибочность всех действий землемеров и люстраторов, то уже во всяком случае на полное отсутствие произвола¹⁹. Люстрация, по мысли реформатора, должна была заложить основу материального благосостояния государственной деревни путем точной регулировки повинностей и приведения их в соответствие с доходностью участков. С принятием люстрации государственных имуществ в западных губерниях в 40-х гг. начинается новое хозяйственное устройство здешней государственной деревни.

По объему люстрационных работ Виленская губерния занимала среди семи западных губерний первое место, поскольку здесь числилось 539 казенных имений и в том числе сосредоточивалась треть имений, конфискованных у «мятежников» в 1830 г. по всем восьми западным губерниям. Колоссальному объему работ не соответствовал случайный подбор землемеров из вольнонаемных местных дворян, которые работали недобросовестно, умышленно преувеличивая на планах земельные угодья, поскольку оплата их труда производилась за количество обмеренных десятин (по 2 коп. за десятину), за взятки оттягивали срок назначения люстрации. Поэтому люстрационные работы с первого же года начали сильно отставать от принятого плана. Так, например, в первый год вместо намеченных к люстрации 96 имений по Виленской губернии было облюстровано только 33 имения, но и это еще не означало окончательного их устройства²⁰. Этому мешала сложная бюрократическая процедура утверждения инвентарей, проходивших через 4 инстанции (Губернский люстратор, Губернская палата, Люстрационное отделение II Департамента, министр).

Качество межевых работ соответствовало качеству землемеров и люстраторов. В 1841 г., при проверке инвентарей, оказалось, что только 54,7% могли быть признанными за удовлетворительные, а остальные требовали коренной переделки. Поэтому неудивительно, что расходы на люстрацию в три раза превысили ассигнования и составили сумму в 38 410 руб.²¹ Такое превышение ассигнования явилось следствием чрезвычайно замедленного и низкогокачественного межевания имений. С течением времени это принимало угрожающий характер и приводило к печальным заключениям самих представителей высшей бюрократии. В рапорте Киселеву директор II Департамента отмечал с тревогой медлительность люстрации, которая в крупных имениях производилась в течение 9—10 лет, а в мелких (до 200 душ) длилась вместо трех-четырех месяцев три-четыре года. Вот почему по западным губерниям люстрация не была окончена к 1848 г., как это первоначально намечалось, а затянулось еще почти на целое десятилетие. По всем западным губерниям, например, к 1849 г. была облюстрована всего 1/8 намеченных к люстра-

¹⁸ ПСЗ, II, т. XIV, отд. I, ст. 13036, § 1.

¹⁹ «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ», (далее: «Историческое обозрение»), СПб., 1888, ч. II, стр. 115

²⁰ ЦГИА Лит. ССР. ф. 525, оп. 3, д. 61, лл. 233—234; д. 49, лл. 27—31.

²¹ Там же, оп. 10, д. 8, лл. 48, 122—125.

ции имений, а по отдельно взятым губерниям и того меньше (по Минской $\frac{1}{25}$, по Ковенской — $\frac{1}{100}$) ²².

Такая задержка люстрационных работ произошла по следующим причинам: 1) от перемены принципа люстрации самим правительством, поскольку до 1844 г. люстрация велась на основе сохранения барщины, а с 1844 г. — на основе перевода (по секретному приказу правительства) крестьянских хозяйств на оброчную систему. Все ранее составленные инвентари подлежали исправлению с тем, чтобы окончательно устроить крестьян на оброчном положении; 2) от частого изменения правил люстрации, поскольку в «Положения о люстрации» были внесены изменения циркулярными предписаниями министерства. Общее число таких циркуляров, часто противоречивых, доходило до 112 ²³; 3) из-за несогласованности действий губернских люстраторов и Палат государственных имуществ, этих двух параллельных и равноправных учреждений, что порождало излишнюю переписку между ними; 4) от умышленной затяжки работ люстраторами и землемерами; 5) от низкого качества работ, половину которых приходилось переделывать, причем дополнительный расход не должен был ложиться на казну ²⁴, а покрывался из общественных сборов с крестьян; 6) из-за нехватки писцов для переписывания люстрационных актов; 7) от слабого личного состава люстраторов, поскольку на эту должность принимались офицеры, исправники, учителя, чиновники, то есть случайные люди, плохо знающие правила люстрации; 8) из-за преднамеренного саботажа мелкой шляхты, которая попадала в люстраторы, землемеры, служила в низших чинах в канцелярии Виленского генерал-губернатора, палатах, сельских управлениях, на должностях писарей.

Этот неполный перечень причин, задерживавших люстрацию ²⁵, приводит нас к выводу, что все они проистекали из органических пороков существовавшего политического строя и что сама задача преодолеть недостатки управления в государственной деревне в рамках этого строя и с помощью его аппарата неизбежно должна была свестись к полумерам, способным только несколько улучшить положение крестьян.

Поскольку люстрационные работы затягивались, то практически не менялось и положение крестьян даже в тех умеренных пределах, которые были намечены правительством. В Виленской, например, губернии к 1849 г. была утверждена, а следовательно, могла практически осуществиться, только $\frac{1}{6}$ составленных инвентарей, а по Ковенской — $\frac{1}{10}$. В процентном же отношении число имений, в которых к 1850 г. люстрация была только что начата и в которых эти работы предстояло начать, составляло к общему числу всех имений по Виленской губернии — 51,2% по Ковенской — 67% ²⁶.

Люстрационные инвентари, рассмотренные и утвержденные Министерством государственных имуществ, приводились в исполнение по особой на этот счет инструкции от 28 июня 1843 г. ²⁷, согласно которой люстрация доводилась до сведения крестьян на сходе, собравшем не менее $\frac{1}{3}$ всех дворов, в присутствии старшин и представителей экономии. Крестьянам объявлялось: 1) о новом наделении землей; 2) о новых повинностях; 3) об их правах; 4) об отношении ко временному владельцу имений; 5) об условиях перехода на оброк ²⁸. Нарезка земель крестьянам в натуре производилась в присутствии окружного начальника или его по-

²² ЦГИАЛ, ф. 384, д. 9504, л. 13; д. 9031, л. 5.

²³ Там же, д. 9504, л. 17.

²⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 10, д. 15, лл. 98об.—99.

²⁵ Полный перечень составлен директором II Департамента МГИ на 13 листах с оборотом — см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 10, д. 32, лл. 552—553, 481—494, 539—541.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 384, д. 9031, л. 5; ЦГИА Лит. ССР, ф. 373, 1850, л. 2475, лл. 2—3.

²⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 3, д. 61, лл. 246—249; д. 62, лл. 134—135.

²⁸ ПСЗ, II. т. XIV, отд. 1, ст. 13036, § 1.

мощника и землемера. Завершением нарезки земли было составление люстрационного акта о приеме земли крестьянами согласно инвентарю и плану, заверенному подписями крестьян, люстратора, землемера, экономии и сельских старшин.

Итак, новое хозяйственное устройство государственных крестьян западных губерний начиналось с отвода в натуре массива пахотных и сенокосных земель, так называемых тяглых земель, за пользование которыми объявлялись хозяйственные повинности или барщина (панцизна). Крестьяне наделялись участками согласно циркулярному предписанию от 28 мая 1843 г., последовавшему в отмену статьи 105 Положения о люстрации, из расчета большей нормы (15 дес. пахоты и 5 сенокоса) и меньшей нормы (9 дес. пахоты и 2 сенокоса)²⁹. Наделение участками шло по принципу производительной мощности хозяйства — двора, т. е. по обеспеченности хозяйства рабочим скотом. По имущественному признаку крестьяне делились на разряды тяглых, полутяглых, огородников и кутников. В первый разряд попадали хозяева, владеющие двумя головами рабочего скота, во второй — одной головой. Вовсе не имеющие рабочего скота жили от доходов с огородных участков и составляли разряд огородников. Тяглым, полутяглым и огородникам присваивалось звание хозяев, в отличие от бездомных и безземельных кутников (батраков)³⁰.

Таким образом, люстрация, проводимая Киселевым, положила в основу перераспределения земель то самое имущественное расслоение деревни, которое она собиралась сгладить. Такое внутреннее противоречие реформы являлось отражением стихийно сложившихся в государственной деревне капиталистических процессов расслоения крестьянства, прекратить которые реформа не смогла. Она только затормозила это явление, но отнюдь не ликвидировала. В результате реформы Киселева к 1857 г. из общего числа хозяев маломощными осталось в Ковенской губ. 15,3%, в Виленской — 24,1%, хотя люстрация и предполагала постепенное превращение всех хозяев в тяглые, путем перехода полутяглых и огородных хозяев и части кутников в высший разряд. Для этого предполагалась известная помощь крестьянам от государства в виде ссуд на покупку скота³¹ при условии поручительства общества за отдельного своего члена.

Циркуляром предписывалось всем Палатам западных губерний руководствоваться большей или меньшей земельными нормами. Далее рекомендовалось всем люстраторам осторожно подходить к отрезке от крестьянских наделов в тех случаях, когда они превышали указанную норму, а у самих крестьян не было «достаточных способов» для обработки земельных излишков. В случае отрезки земли от прежних участков люстраторы были обязаны обстоятельно мотивировать свои действия при подаче люстраций на утверждение в министерство. При желании крестьян получить добавочные участки к своим наделам люстраторы могли представить им за известную арендную плату так называемые оброчные статьи, т. е. земли упраздненных ферм. Неопределенность этого циркулярного разъяснения послужила обоснованием для незаконных отрезков от крестьянских наделов, активно опротестовывавшихся крестьянами в форме отказа подписывать люстрационные акты (с этого началось, например, самое крупное и упорное волнение в местечке Сморгонь Ошмянского у. Виленской губ.). И наконец, вышеуказанным циркуляром предписывалось не оставлять фольварочные участки в размерах, превышающих $\frac{1}{2}$ крестьянских наделов или не достигающих $\frac{1}{4}$ этого ко-

²⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 3, д. 62, лл. 136—137; д. 61, л. 219.

³⁰ ПСЗ, II, т. XIV, отд. 1, ст. 13036, гл. IV, § 84—88.

³¹ ЖМГИ, 1860, апрель, ч. 73, отд. II, Таблица «А»; ПСЗ, II, т. XIV, отд. I, ст. 13036, § 89—90.

личества. В последнем случае следовало упразднить такой фольварк, а крестьян перевести на оброк.

Именно эта сторона реформы, приведшая к ликвидации налаженного хозяйства фольварков, встретила резкую критику со стороны преемника Киселева на посту министра государственных имуществ Н. М. Муравьева, когда восторжествовала полностью крепостническая точка зрения над либерально-дворянской, с ее ориентацией на удельное управление. Муравьев считал, что люстрация должна была заняться в первую очередь устройством казенных фольварков, с целью упорядочения их хозяйства и тем самым возвышения дохода. Киселев же увлекся землеустройством крестьян и опасной попечительной политикой с ее опасным представительным управлением, окончательно разорив фольварки и раздробив их земли для разных нужд. Этим, по мнению Муравьева, люстрация нанесла ущерб казне, снизив ее доходы. Придя к управлению министерством, Н. М. Муравьев решил исправить все недочеты киселевского периода, возродить фольварки и несколько ухудшить наделение крестьян землей. В предпринятой в 1858 г. поверочной люстрации он задался целью вернуть казне доходы, уничтожить чресполосность крестьянских наделов, урезать крестьянские наделы от $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$ там, где не было достаточных средств к ведению хозяйства, увеличить оброки на 64%, чтобы не было резкой разницы между казенными и помещичьими крестьянами, и создать отрубное (колонияльное) хозяйство. Уничтожались киселевское самоуправление и вводилось новое, более простое и деловое, но скопированное с удельного ведомства. Число ферм при Муравьеве было увеличено по Виленской губернии с 72 до 351, а по Ковенской — с 32 до 165³². Земельная политика Муравьева в 1858 г. фактически была контрреформой с позиций крепостников. Стремление к нивелировке крестьянских участков Киселева уступило место сознательному насаждению хуторского хозяйства, что только способствовало дальнейшему расслоению деревни. И тогда как предыдущее министерство ставило себе задачу предотвратить этот процесс, контрреформа Муравьева объективно означала усиление этого процесса, облегчившего развитие капитализма в деревне.

Иную критику аграрной части реформы Киселева дали крестьяне. В многочисленных жалобах они высказывались против отрезков от прежних наделов, против переселения «на песочек». Насколько же интенсивно в результате новой люстрации шел процесс переселения крестьян на худшего качества земли (несмотря на все благожелательные статьи Положения о люстрации, предписывающие отводить крестьянам лучшие земли), видно на примере Виленской губернии, где плодородных земель было мало и поэтому борьба за качественные земли протекала более остро. Здесь на 1852 г. в результате нового перераспределения земель только у 32% крестьян оказались хорошие и посредственные земли, а подавляющая масса — 68% крестьян — должна была возделывать малоплодородные участки, не обеспечивавшие уплаты налогов, пропитания семьи и нужного уровня скотоводства³³.

В результате люстрации по Ковенской губернии было отрезано 17,4% наделных земель, а по Виленской, поскольку здесь земля была хуже и не так ценилась, были сделаны прирезки, составившие 15,5% к наделным землям³⁴. Всего по люстрации государственным крестья-

³² «Историческое обозрение», ч. II, стр. 132—134; отд. 2, приложение № 5 к стр. 131—142.

³³ ПСЗ, II, т. XIV, отд. I, ст. 13036, § 126; ЦГИАЛ, ф. 398, д. 4814, ч. I, лл. 547—549 (проценты подсчитаны автором).

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 384, оп. 12, д. 13592, л. 40; Н. М. Дружинин. Указ. соч., т. II, стр. 181 (Н. М. Дружинин считает, что отрезки в Ковенской губернии составляли 14,8%); ЦГИАЛ, ф. 384, д. 9504, л. 3.

нам Виленской губернии по вышеуказанной норме было отведено в надел 446 669 дес. удобной земли, а Ковенской — 408 603 дес. Внешне дело обстояло благополучно. Если до люстрации в первой губернии приходилось 3,01 дес. земли (пахотной и сенокосной) на ревизскую душу, а во второй — 3,06 дес., то после люстрации в первой на ревизскую душу приходилось уже 5,4 дес., а во второй — 4,9 дес.³⁵ Министерством с удовлетворением отмечало, что в результате реформы повысилась норма душевого надела, это достигалось якобы путем наделения ранее безземельных и малоземельных категорий крестьян из фондов упраздненных фольварков, а также путем расчисток земель из-под леса, проводившихся согласно циркуляру от 30 июля 1847 г.³⁶ На самом деле выведение министерством средних цифр душевого обеспечения земель затушевывало тот факт, что некоторые «исправные» хозяева владели 2—3 участками, в то время как другие хозяйства, потерявшие в бескормицу скот, вынуждены были сдавать в аренду свой единственный участок. Такие средние цифры В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» называл фиктивными³⁷.

Реформа несколько задержала расслоение деревни, но не ликвидировала этого процесса в корне. В ходе преобразований Министерства государственных имуществ у численно незначительной верхушки, вопреки желанию Киселева, сосредоточивались большие земельные участки, в то время как у большинства крестьян (68% по Виленской губернии) неплодородные земли не давали урожая для прокормления семьи и выполнения государственных податей и налогов. Если подавляющая масса арендовала мелкие участки в 2—3 дес., то зажиточная верхушка арендовала участки до 200 дес. и являлась держателем самых выгодных оборочных статей, которые приносили доходы по несколько тыс. рублей³⁸. Выборные должностные лица сельского управления, бессменно выполнявшие свои обязанности по 10—13 лет, как правило, становились кулаками-мироедами. Особым богатством, благодаря бойкой торговле, отличались государственные крестьяне Россиенского, Тельшевского, Шавельского, Поневежского уездов Ковенской губернии. Здесь многие крестьяне имели не только батраков, но и домашнюю прислугу и располагали капиталом в несколько тысяч рублей³⁹.

Дальнейшее распределение казенных земель шло таким путем: помимо подворного наделения землею, люстраторы были обязаны выделить из общего земельного фонда фольварка участки под общественную запашку из расчета по 3 дес. в трех сменах на каждые 100 дес. крестьянских надельных земель⁴⁰. Урожай с этих запашек шли на пополнение сельских запасных магазинов. Под общую запашку в Виленской губернии было отведено по люстрации 9 525 дес. пахоты, что составляло 2,13% к надельным крестьянским землям, а в Ковенской — меньше половины этого количества, а именно: 4 402 дес., то есть 1,07% к надельным землям⁴¹.

После наделения крестьян тяглыми участками, отвода общественной запашки и фольварочных угодий (равных половине крестьянских наделов), оставался еще резерв, называемый запасными или вакантными землями, которые предназначались для наделения бобылей, крестьян-

³⁵ ЖМГИ, апрель 1860 г., ч. 73, отд. II, таблица «А» (приложения); «Историческое обозрение», ч. II, стр. 90 (приложение 5).

³⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 3, д. 61, л. 440.

³⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 96.

³⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 6, д. 44 (журнал от 13 мая 1847 г. № 18).

³⁹ Д. Афанасьев. Материалы для географии статистики России. Ковенская губерния, СПб, 1861, стр. 596.

⁴⁰ ПСЗ II, т. XIV, отд. I, ст. 13036, § 112.

⁴¹ ЖМГИ, апрель 1860 г., ч. 73, отд. II, таблица «А» (приложения).

огородников и полутяглых при переходе их в высший разряд тяглых хозяев, а также для переселенцев из малоземельных губерний, западных однодворцев, вольных людей и евреев-земледельцев⁴². Три последние категории поселенцев на казенных землях обозначались в inventарях того времени термином «посторонние люди». До тех пор, пока вакантные земли не находили себе прямого употребления, они использовались под сдачу в аренду только посторонним лицам мелкими участками сроком до 4-х лет за плату оброка. Для Виленской губернии было отведено 23 394 дес. вакантных земель, что составляло 5,2% к наделным крестьянским землям, а для Ковенской губернии — 23 285 дес. или 5,7% к наделным участкам крестьян⁴³. Создание вакантных участков еще не означало безусловного обеспечения наделом тех желающих, которые могли перейти в высший разряд. На практике случалось, что земли для них не находилось.

Основываясь только на знакомстве с Положением о люстрации 1839 г., можно было бы прийти к ошибочному выводу, что законодатель продумал все случаи наиболее полного и качественного наделения государственных крестьян землею. В действительности же это было не так: практика проведения в жизнь нового наделения земель шла вразрез с крестьянскими желаниями, поскольку у части крестьян урезались их старые наделы, а у других плодородные участки заменялись на «худые» земли. К этому надо добавить, что местное творчество сословно-бюрократического аппарата вносило существенные коррективы в сторону обмера и обсчета крестьян. Не удивительно поэтому, что сразу же после люстрации того или иного имения в палаты и министерство сыпались крестьянские жалобы на малоземелье, нехватку лугов, на несправедливую оценку земель (посредственные земли оценивались как хорошие, а худые — как посредственные), на незаконную замену под видом люстрации лучших крестьянских участков на худшие.

В Виленской губернии новая земельная политика правительства вызвала длительное волнение крестьян. Самое крупное выступление было в имении Сморгонь, где по люстрации у крестьян отрезали 390 дес. удобных земель и где крестьяне получили наделы по меньшей норме и плохого качества. Сморгонские крестьяне не переставали волноваться на протяжении всего последующего десятилетия⁴⁴. Они упорно не соглашались подписывать люстрационные акты. Только в 1849 г. ревизовавшему западные губернии вице-директору II Департамента было подано 6 жалоб на неудовлетворительное распределение земель по Виленской губернии и 15 — по Ковенской. Крестьяне жаловались на то, что старая их пахотная земля отдавалась под заросение лесом, а им отводились под пашню лесистые участки. Насколько непопулярной была среди крестьян люстрация с ее новым распределением земель, можно судить и по другому факту. Так, например, сельский старшина Шлабович имения Перебродье Виленской губернии, Дисненского у. доносил в Виленскую палату, что ему подано 46 жалоб на неудовлетворительность люстрации, из них в двадцати случаях крестьяне жаловались на малоземелье, в восемнадцати — просили дополнительно отвести огороды, а в двух случаях жаловались на недостаток сенокосов. Из 46 жалоб 40 относилось к малоземелью, так и не ликвидированному по новой люстрации, и только 6 жалоб приходилось на неопределенность границ с соседями. Многие помещики не упускали возможности использовать в собственных интересах бедственное положение крестьян, которым некуда было выгнать скот. Они брали с них штрафы за потраву

⁴² ПСЗ, II, т. XIV, Отд. I, стр. 13 036, § 118—119.

⁴³ ЖМГИ, апрель 1860 г., отд. II, ч. 73, таблица «А» (приложения).

⁴⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 10, д. 9, лл. 603—604; ЦГИАЛ, ф. 384, д. 9031, лл. 103—106, 108—112; д. 14334, л. 1—2

фольварочных выгонов, забирали крестьянский скот и заставляли отбывать неурочно работы на полях⁴⁵.

О недостаточности нормы для отвода пастбищ и сенокосов говорилось еще в самом начале люстрационных работ, в 1840 г. В июле этого года, во время посещения литовских губерний Киселевым, прогрессивное настроенный вилькомирский уездный предводитель дворянства Сеицкий представил министру свое мнение о том, что поскольку в литовских губерниях пастбища покрыты мхом и кустарником, здесь норма их должна быть не $\frac{1}{2}$ дес., а 2—3 дес. на двор⁴⁶. Это частное мнение на решение министерства не возымело никакого действия.

Земельной тесноте в значительной мере способствовала политика правительства в отношении посторонних, проживающих на казенных землях и к сословию государственных крестьян никакого отношения не имеющих. Это были, кроме уже названных выше однодворцев, вольных людей и евреев-земледельцев, дворяне, купцы, мещане, цеховые мастера, водворившиеся на казенные земли в отдаленные времена. За пользование землей они были обязаны отбывать установленные повинности и платить оброк временным владельцам казенных имений. По новой люстрации они занимали все те же участки, вплоть до истечения срока контрактов, и выполняли свои обязательства перед арендными владельцами или администраторами. Временно занимаемые ими земли рассматривались как резерв для государственных крестьян с момента окончания контрактов с первыми⁴⁷. В Виленской губернии посторонние занимали 3,2% казенных земель, а в Ковенской — 5,2%. Кроме того, казенные земли нарезались православному и римско-католическому духовенству, лесным офицерам, лесной страже, военным нижним чинам, городским жителям — под городские выгоны, евреям-земледельцам. Все они также не имели никакого отношения к сословию государственных крестьян. По Виленской губернии на них приходилось 12,4%, а в Ковенской — 8,5% казенной земли⁴⁸. Если же суммировать все земли, отведенные посторонним, то получится, что в Виленской губернии на их долю приходилось 15,6%, а в Ковенской — 13,7% казенной земли. Понятно, что такой большой процент казенных земель в пользовании посторонних не мог не повлиять на земельное обеспечение самих государственных крестьян. Поэтому для западных губерний с значительным расслоением деревни не показателен рост душевого обеспечения земель, который использовался Министерством государственных имуществ как доказательство роста благосостояния крестьян. Он сам по себе не означал преодоления малоземелья, в результате которого многие хозяйства вынуждены были добавочно арендовать землю⁴⁹.

Вслед за отводом и нарезкой в натуре земель шла их оценка. Это тоже этап люстрационных работ. Ему предшествовала длительная работа по классификации земель по их качеству и назначению. Поскольку повинности крестьян определялись, при равных участках, по качеству земли, то оценка земель приобретала исключительно важное значение. Учитывались и оценивались все земли, кроме находящихся под паром, так как считалось, что они не приносят хозяйству дохода. Усадебные земли расценивались как пахотные хорошего качества, потому что они всегда удобрялись. Пашенные земли разбивались по качеству на 3 разряда: хорошие, посредственные и худые. За десятину хорошей земли устанавливался поземельный оброк от 1 руб. 5 коп. до

⁴⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 6, д. 76, лл. 14—15; оп. 8, д. 90, лл. 23—24, 45; д. 85, лл. 16—17; оп. 3, д. 53, лл. 219—220; оп. 8, д. 85, лл. 7—8.

⁴⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 3, д. 54, лл. 8—10.

⁴⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1860, д. 2450, л. 38.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 384, оп. 12, д. 13592, лл. 21—22, 40—41.

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 384, д. 14336; ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 6, д. 76, лл. 16—17; оп. 15, д. 201, л. 488.

1 р. 75 коп. и даже 1 р. 90 коп. За посредственную землю крестьяне должны были уплачивать от 1 р. или 1 р. 20 коп. до полутора рублей, а за худую — 50—60 коп. Сенокосы делились на нагорные, луговые (муражные) и болотные. Поземельный оброк назначался за 1 дес. хорошего лугового сенокоса в 1 р. 20 коп., посредственного — 70—80 коп., худого — 40—50 коп., посредственный болотный сенокос оценивался в 53 коп. за дес., а худой — в 32 коп.⁵⁰ Стоимость одной десятины определялась через среднюю ее доходность, для чего брался средний урожай за 12 лет.

Большая часть жалоб, подаваемых крестьянами в министерство и палаты, относилась именно к неправильной оценке земель. Даже сам ревизор министерства был возмущен фактами умышленного перевода лучших ферменных земель в разряд посредственных с дальнейшим зачислением их в запасной (вакантный) фонд для передачи их в аренду посторонним лицам. Ревизор пришел к выводу, что ферменные земли были оценены вполтину дешевле крестьянских. Ему лично было подано большое количество жалоб на неправильную оценку земель и завышенные повинности, причем больше всего жалоб поступило от крестьян Виленской, Ковенской, Могилевской и Гродненской губерний⁵¹.

За отведенную землю, по Положению о люстрации, крестьяне были обязаны нести хозяйственные повинности либо в денежной форме (оброк), либо в натуральной — хозяйственные работы (барщина)⁵². Для определения размера оброчной платы устанавливалась общая доходность с земель огородных, пахотных, сенокосных и пастбищных. Третья часть этой суммы и составляла поземельный оброк, а $\frac{2}{3}$ оставались в распоряжении крестьян. Хозяйственные работы назначались в виде барщины и (пригонов) и экстренных сверхурочных работ, сгонов или гвалтов. Пригоны заключались в посылке на фольварк от каждого тяглого и полутяглого хозяйства по одному работнику. Хозяйственные работы устанавливались поурочно на 1 день, а затем высчитывалось число тяглых и полутяглых дней, нужных для работ на 1 дес. пахоты или сенокоса. Число рабочих дней, нужное для пригонов, устанавливалось в половинном размере тех дней, которые требовались на запашку крестьянских полей, производство посевов и уборку их, поскольку фольварковая пашня по новому закону оставлялась в половинном размере от крестьянских полей. Рабочие дни делились на тяглые и полутяглые; первые отбывались с рабочим скотом, а вторые покрывались только личной работой. В летнюю страдную пору применялись еще так называемые гвалты (сгоны), которые назначались по 6 дней тяглых и полутяглых в году с тяглого хозяйства и по 12 полутяглых с полутяглого хозяйства. В этом случае работать выходило все трудоспособное население, и в деревне оставался только один сторож. Составлялось различное среднее расписание уроков на тяглые и полутяглые работы на 1 дес. земли для Ковенской и Виленской губерний, что диктовалось различным для них способом возделывания земли, качеством почв, нормами посевов и урожая. Внутри каждой губернии устанавливались уроки трех видов в расчете на хорошие, посредственные и худые пахоты и сенокосы. Практически оклад повинностей на каждый тяглый двор, владеющий участком пашни в 12 дес. и сенокосов в 2 дес., был трех разрядов, а именно: 1) высший оклад, устанавливаемый за земли хорошего качества и оцененный в 175 рабочих дней, что в переводе на деньги составляло 26 руб. 11 коп.; 2) средний оклад — за земли посредственного качества — в 163,5 рабочих дней, что в денежном выражении составля-

⁵⁰ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1843 г., д. 2080, л. 32—33; д. 1841, лл. 422—423, д. 2081, лл. 14—15; д. 1841, лл. 422—423; ф. 525, оп. 3, д. 94, лл. 91—92.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 384, д. 9031, лл. 75—76.

⁵² ПСЗ II, т. XIV, отд. I, ст. 13036, § 175, 176, 177, 183, 187, 192.

ло 18 руб. 48 коп.; 3) низший оклад — за земли худого качества — в 152 дня, что равнялось в переводе на деньги 10 руб. 85 коп.

Несмотря на случаи злоупотреблений люстраторов при оценке качества наделных земель, облегчение повинностей по люстрации у государственных крестьян было столь значительным, что помещичьи крестьяне начали выставлять в своей борьбе с помещиками требование о переводе их в государственные. С переходом же последних на оброк, начатым с 1844 г. и законченным в 1847 г., это требование проходит красной нитью через все случаи крестьянских волнений в помещичьей деревне накануне революционной ситуации. Под лозунгом уравнивания в правах с государственными крестьянами, например, вспыхнуло в 1851 г. крестьянское волнение в поиезунтских имениях. Под таким же лозунгом проходили волнения помещичьих крестьян в имениях Кетуны (1830—1843 гг.), Иозефово, Юрбург, Лигумы, Уцяны (1855—61 гг.)⁵³.

Сравним для наглядности хозяйственные повинности в конфискованном имении Денаполь Ошмянского уезда Виленской губ. по инвентарю 1832 г. с повинностями, установленными люстрационным инвентарем 1841 г. По первому инвентарю со всякого тяглого двора крестьяне отбывали в неделю 3 дня мужских и 3 дня женских или в год 1092 дня тяглых и 1092 дня полутяглых, что составляло 2184 дня барщины. Кроме барщины, крестьяне отбывали еще дополнительно гвалты в год по 6 дней с каждого двора (что с 32 дворов составляло 192 дня), всего же — 2376 дней барщины. По новой люстрации повинности выражались в 639 тяглых дней и 747 полутяглых, что вместе составляло 1386 дней барщины. Если старые повинности в переводе на деньги (считая за тяглый день по 13 $\frac{1}{3}$ коп., а за полутяглый 8 коп.) составляли 262 руб. 90 коп., то новые повинности оценивались в 151 руб. 20 коп. Иными словами, повинности были облегчены на 57,4%. Такое значительное облегчение барщины особенно было характерно для имений, конфискованных у лиц, причастных к восстанию 1931 г. Здесь из политических соображений барщина облегчалась вполтину⁵⁴.

Облегчение барщины в государственной деревне приводило к тому, что в первое же трехлетие число желающих брать казенные имения в безотчетную администрацию (т. е. в управление по новым инвентарям) резко сократилось, ввиду опасения, что назначенных по люстрации хозяйственных работ не хватит для нормального ведения хозяйства и что придется за свой счет производить наем недостающей рабочей силы. В результате Совет министра утвердил «новую редакцию» некоторых статей Положения о люстрации, касающихся порядка отбывания крестьянами хозяйственных повинностей. 8 апреля 1844 г. II Департамент предписал всем палатам западных губерний произвести изменения в законе о люстрации согласно «новой редакции» Положения⁵⁵, которая сводилась к следующему: в отмену статьи 195, где говорилось, что люстратор определяет пропорционально на весь год нужные для экономии хозяйственные работы, утверждалась «новая редакция», по которой крестьяне обязаны были являться в любое время на работы по требованию самой экономии. Как видим, здесь уже речь шла не о редакции как таковой, а о коренном изменении содержания самой статьи. То же самое было проделано в интересах съемщиков казенных имений и с другими «плохо отредактированными» статьями. Если прежде считалось, что барщина, выпадавшая на ненастные дни, не должны отрабатываться

⁵³ Н. Н. Улащик. Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г. «Вопросы истории», М., 1948, № 12, стр. 56; В. И. Неупокоев. Крестьянские волнения в помещичьей деревне Литвы накануне объявления рескрипта 20 ноября 1857 г. «УЗ Вильнюсского университета, серия общ. наук», т. I, стр. 128, 143—144, 152—158.

⁵⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 3, д. 68, лл. 86—88; оп. 10, д. 8, лл. 234—249.

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 384, д. 4086, лл. 24—30.

крестьянами, то теперь такие дни следовало отрабатывать в ближайшую неделю (ст. 197); неотработанные по каким-либо причинам в течение недели пригонные дни предписывалось обязательно отрабатывать в течение ближайшего месяца (в отмену ст. 196, которая запрещала перенос работ на другую неделю). В ст. 199 «уточнялось», как должно поступить обществу в случае продолжительной болезни работника и невозможности заменить его кем-либо из родственников. Теперь разрешалось пригонные дни за тяжело больного раскладывать дополнительной барщиной на всех владельцев тяглых участков. Если прежде запрещено было посылать крестьян с грузом далее 60 верст и чаще двух раз в году, то теперь это разрешалось «по взаимному договору» (ст. 202, 203, 204), как и привлечение крестьян к ночному сторожеству и другим видам работ (ст. 218). По «новой редакции» было изменено условие отбывания крестьянами так называемых шарварков (общественных работ, предназначенных для ремонта строений, дорог, мостов, плотин, переправ и огорожей). Согласно ст. 213 они отбывались подворно по 6 дней в году. Теперь же было внесено «уточнение», а именно — с тяглого хозяйства требовалось из этих 6 дней отбыть 3 дня тяглых (т. е. с рабочим скотом). Поскольку законодателя одолевало опасение, что барщина не покроет всех работ, требующихся фольварку, то он нашел выход в том, что к наиболее легким полевым и огородным работам разрешил привлекать и детский труд (девочек до 15 лет, мальчиков до 17 лет), приравнивая два дня детского труда к 1 дню барщины. Детей разрешалось использовать не чаще, чем 12 раз в год со всякого двора. Продолжительность детского рабочего дня предполагалась та же, что и для взрослых, — с зари до заката⁵⁶. Вполне понятно, что подобное «уточнение» первой редакции Положения означало ухудшение условий отбывания хозяйственных повинностей для крестьян и одновременное улучшение условий эксплуатации казенных имений съемщиками и администраторами.

* * *

Подводя итог, следует сказать, что новая аграрная политика Министерства государственных имуществ способствовала некоторому росту производительных сил государственной литовской деревни, а это, на фоне упадка хозяйства у помещичьих крестьян, приобретало особое значение. Так, за пятилетие с 1853 по 1857 гг. в Ковенской губернии удельный вес государственной деревни по посевам зерновых вырос на 1,2%, а по урожайности на 1,6%, в то время как у помещичьих крестьян наблюдалось снижение удельного веса по посевам на 4,7%, по урожайности — на 7,1%. По Виленской губернии удельный вес государственной деревни в посеве зерновых культур за это же пятилетие увеличился на 2,5%, а по урожаю — на 4,5%. Одновременно у помещичьих крестьян произошел спад удельного веса по посевам на 3,9%, по урожайности — на 6,9%⁵⁷.

Однако в результате люстрации в западных губерниях основная цель, которую себе ставило правительство, — сделать всех крестьян хозяевами и тем самым предотвратить пауперизацию деревни — не была достигнута. Установлено, что к 60-му году безземельные крестьяне в Ковенской губернии составляли 34%⁵⁸. Реформа Киселева не могла остановить процесса расслоения государственной деревни, а этот процесс по-своему вел перераспределение земель, сосредоточивая в руках одних

⁵⁶ ПСЗ, II, т. XIV, отд. I, ст. 13036, § 194.

⁵⁷ Т. А. Конюхова. Сельское хозяйство государственных крестьян Виленской и Ковенской губерний в период реформы П. Д. Киселева (1840—1857 гг.) «Материалы по истории земледелия и крестьянства СССР», М., 1960, т. IV, стр. 224—225 (таблицы).

⁵⁸ Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, СПб., 1887, стр. 113

2—3 участка, а других лишая единственного. Так, например, к моменту поверочной люстрации по Виленской губернии число маломощных хозяйств увеличилось на 2% (с 24% по люстрации Киселева до 26% по люстрации Муравьева)⁵⁹. Люстрация Киселева не могла коренным образом изменить распределения земель, складывающегося под влиянием развития капитализма в литовской государственной деревне, а зачастую даже ухудшила его (вспомним Виленскую губернию, где 68% крестьян должны были возделывать худые и весьма худые, годные подчас только для перелога земли). Поэтому не удивительно, что именно в Виленской губернии в Ошмянском уезде в имении Сморгонь в ответ на люстрацию разразилось самое мощное и упорное крестьянское волнение, начавшееся с категорического отказа 21 деревни этого имения подписать люстрационные акты⁶⁰. Волнения крестьян в ответ на реформу имели место в имениях Ушполь, Краси́но, Ораны, Войстом, Масады, Олькеники, Бельмонт, Мендзыржеч, Замок и др.

Аграрная политика Министерства государственных имуществ вызвала многочисленные жалобы крестьян на несправедливое переселение их на худшие земли. Министерство периодически проводило ревизии нового управления и располагало сведениями, что после люстрации литовская государственная деревня страдала от чресполосности участков, от малоземелья, потому что по люстрации все земли получили определенное назначение, а небольшой резерв вакантных земель оставался в пользовании посторонних лиц.

Таким образом, новая люстрация, при всем стремлении правительства подвести материальную базу под крестьянское хозяйство западных губерний, поднять благосостояние деревни и тем создать себе прочную опору в лице сословия государственных крестьян, не вполне оправдала возлагаемые на нее правительством надежды. Само правительство, формулируя «новую редакцию» статей об отбывании повинностей, вынуждено было отступить от первоначальной установки на облегчение повинностей крестьян.

В ходе люстрации была допущена масса ошибок, исправление которых перекладывалось министерством с казенного счета на плечи крестьян. При производстве люстрации допускался безграничный произвол (неправильная оценка земель, переселение на худшие земли). Если к этому прибавить затяжной ее характер, то неизбежен вывод о том, что люстрация весьма незначительно облегчила положение государственной деревни. По своим методам люстрация во многом предвосхитила реформу 1861 г.

Неудовлетворенность большинства государственных крестьян люстрацией с ее новым перераспределением земель выливалась в открытые протесты при подписании люстрационных актов, принимала форму побегов рекрутов, оппозиционных правительству настроений и привела более сознательных крестьян к участию в революционном движении городских низов⁶¹. Непрекращающаяся многообразная по форме борьба с правительством сделала государственных крестьян очень чуткими к лозунгам, выдвигаемым революционной демократией, и привела передовую часть государственных крестьян в ряды первых городских революционных организаций, а также в ряды повстанцев 1863 года.

⁵⁹ А. Корев а. Материалы для географии и статистики России. Виленская губерния, СПб. 1861, стр. 654.

⁶⁰ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 10, д. 9, лл. 606, 613, 617, 619, 621—627, 630—636, 648—650, 664; там же, ф. 378, 1843, д. 1841, лл. 11—12.

⁶¹ Т. А. Конюхова. Государственная деревня Литвы и реформа Киселева в 1840—57 годах (Виленская и Ковенская губернии), канд. дисс., М., 1961, гл. VII, стр. 500—554.